

История философии

43. Локк о религии, этике и политике

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

В нем рассматриваются некоторые аспекты применения его эпистемологии к вопросам религии, этики и его работам по политике. Возможно, ключевым связующим звеном между его эпистемологией и этими другими областями мысли является эвиденциализм, о котором мы говорили в прошлый раз. То есть, его настойчивое требование соотносить наши убеждения с имеющимися доказательствами.

Это оказывает весьма очевидное влияние на его рассуждения об откровении и разуме, вере и разуме, которые он, собственно, и рассматривает в четвертой книге своего эссе о человеческом понимании в главах 18 и 19. Я упомянул об этом, чтобы вы могли найти их, поскольку их нет в нашей антологии. Обе эти главы основаны на предположении, что откровение можно рассматривать как добавление новых положений к тем, которые мы познаем исключительно разумом.

Теперь давайте на мгновение задумаемся над этим. Ваша первая реакция, вероятно, будет такой: да, знание, как он о нем говорит, состоит из утверждений, утверждений, которые воплощают суждения, их субъект и предикат. В конце концов, субъект, знание, происходит от идей, где вы что-то предикативно связываете с субъектом.

Итак, мы говорили о знании в этом смысле. Откровение добавляет к этому знанию дополнительные утверждения, которые не познаются одним лишь разумом. Следовательно, откровение — это пропозициональное откровение.

И, возможно, ваша ортодоксальная натура захочет восхититься Джоном Локком, но следует отметить, что он, как правило, ограничивает свои размышления о божественном откровении простым добавлением положений. Иными словами, межличностная непосредственность религиозного опыта не входит в его определение откровения. И мы еще немного поговорим об этом позже.

Он, кажется, весьма негативно относится к тому, что считает любым продолжающимся откровением частного характера, подобным тому, что становилось очевидным в некоторых пиетистских традициях и традициях святости того времени, даже у Уэсли. Это называлось энтузиазмом. И у него есть целая глава, в которой он выступает против религиозного энтузиазма в этом смысле.

Как я уже говорил, основная причина этого заключается в его точке зрения, согласно которой все знание является пропозициональным, состоящим из пропозиций. Следовательно, откровение состоит из пропозиций. Некоторые открытые пропозиции могут быть познаны также разумом, но очевидно, что если они познаны и откровением, то они не познаны одним лишь разумом.

Его точка зрения заключается в том, что утверждения, согласующиеся с разумом, вполне могут быть приняты в качестве откровения. Утверждения, выходящие за рамки разума, но не противоречащие ему, также будут приемлемыми кандидатами на роль откровения. Но всё, что противоречит разуму, не может быть откровением.

Его мысль проста: то, что мы знаем о творении Бога посредством естественного разума, не может быть опровергнуто тем, что Бог сказал посредством особого откровения. Бог не противоречит самому себе. Но при этом вплетен некий рациональный критерий.

Пусть разум будет вашим проводником. Рациональный критерий для оценки предполагаемого откровения. Допустим, что божественное откровение такого рода действительно существует, тогда открытые утверждения обладают наивысшей степенью достоверности из всех утверждений, потому что они приходят к нам от Бога с Его подтверждением, так сказать.

Вопрос в том, как мы узнаем, что открыто? И это должно быть определено разумом. Таким образом, откровение состоит из утверждений. Следовательно, вера определяется именно в этом отношении.

Вера — это согласие с утверждениями, основанное на доверии или свидетельстве того, кто их выдвигает. Это согласие с утверждениями, основанное на свидетельстве того, кто их выдвигает. И позвольте мне зачитать здесь пару коротких абзацев о том, что он говорит о разуме в связи с верой.

Разум отличается от веры. Я понимаю его как открытие достоверности или вероятности утверждений или истин, к которым разум приходит путем дедукции из идей, которые он имеет посредством естественных способностей. То есть идей. познаётся посредством ощущения или отражения.

Таким образом, разум — это установление достоверности или вероятности утверждений, выведенных из идей, приобретенных естественным путем. Вера же, с другой стороны, — это согласие с любым утверждением, которое не выведено разумом, а основано на убеждении говорящего в том, что оно исходит от Бога каким-то необычным способом. Этот способ открытия истин людям мы называем откровением.

Таким образом, вера — это согласие с утверждением. И снова вы вполне можете спросить себя: является ли это всей полнотой его понимания веры? Кажется, это чисто познавательный акт. Что ж, именно в свете этого то, что он называет энтузиазмом, личным откровением, откровением внутреннего света, как в квакерской традиции.

Он отвергает подобные вещи. Откровение без разума недопустимо. Поэтому откровение и разум необходимы.

Локк, кажется, довольно осторожен в своих высказываниях. Думаю, больше проблем в том, что он не говорит, чем в том, что он говорит. Но то, что он говорит, само по себе, похоже, открывает дверь для подхода к религии, независимого от откровения.

Таким образом, развитие деизма в XVIII веке часто приписывают невольному влиянию Локка, то есть, многое можно познать одним лишь разумом, а деизм — это попытка развить религиозное мировоззрение с помощью одного лишь разума, независимо от откровения. Следовательно, истоки деизма восходят к Локку. Однако следует отметить, что даже до Локка в Британии довольно активно развивалось то, что называлось естественной религией.

Иногда в платоническом контексте, но с эпохи Возрождения оно развивается. Иными словами, религия, на основе исключительно естественных знаний, независимо от откровения. Таким образом, деизм, с одной стороны, был дальнейшим развитием этого подхода, а с другой — развитием, которое, по-видимому, было стимулировано эпистемологией Локка.

Хорошо, есть вопросы? Оставляйте комментарии. Да. Итак, Локк, скажем, Христос и Мария, были ли они вне рамок разума? Нет, он сам, видите ли, признает не только возможность откровения, но и христианское откровение, принимает Священное Писание. Возможно, вам стоит ознакомиться с его книгой «Разумность христианства».

Он рассматривает христианство, используя тот рациональный критерий, о котором мы упоминали, и в зависимости от того, чьей интерпретации его слов вы придерживаетесь, его можно считать убежденным ортодоксальным христианином. В своих рассуждениях о Христе он делает акцент скорее на Христе как Мессии, чем на Христе как воплощенной второй ипостаси Троицы. Но даже беглый просмотр этой книги показывает, что это его попытка объединить библейские положения в некое связное учение.

Это его работа, «Разумность христианства». У него есть ещё одна работа о религии, которая называется «Письмо о терпимости». Что, возможно, помогает понять контекст.

Это конец XVII века, когда Англия пережила гражданскую войну, представлявшую собой смесь религиозных и политических конфликтов. Конфликт между католиками и протестантами в Англии продолжался и в XVII веке, вплоть до правления Якова II, который, как вы помните, был окончательно свергнут с престола в результате бескровной революции в 1688 году. А протестанты, Вильгельм и Мария, прибыли из Голландии, чтобы занять трон.

Таким образом, напряжение существовало постоянно. Терпимости было немного. Фактически, именно в этот период был принят «Закон о пяти милях», запрещающий диссидентам, то есть лицам, не принадлежащим к Англиканской церкви, проводить богослужения в пределах пяти миль от населенного пункта определенного размера.

У меня сохранились интересные воспоминания о значении этого события из моего детства. Я вырос в Дувре, на юго-востоке Англии, в баптистской семье. И это было привычкой, обычаем в этой церкви.

Каждую Страстную пятницу практически вся церковь буквально проходила пешком пять-шесть миль за город, в маленькую деревню под названием Эторн, чтобы отпраздновать годовщину этой небольшой церкви, вмещавшей около 60 или 100 человек. То же самое делали и люди из других церквей со всей этой части Кента, съезжаясь вдоль «спиц колеса»: Кентербери, Фолкстон, Херн-Бей, Маргейт, Рамсгейт, Сэндвичдейл — если вы знаете эту часть страны, — вдоль «спиц колеса» к ступице в Эторне. Знаете, я не осознавал этого до тех пор, пока не вспомнил, что им приходилось делать там, до того, как в XIX веке был издан указ о терпимости, разрешавший баптистам проводить богослужения в своих родных городах.

А вот Джон Локк в конце XVII века, как вы понимаете, отстаивал религиозную терпимость. Принципы разума, свобода убеждений и их исповедание. Да.

Так какова же альтернатива рациональному балансу в подобных конфликтных ситуациях? Единственная альтернатива рациональному урегулированию споров — это силовая политика. Видите ли, именно это происходит сейчас с политизацией университетов в нашей стране, с движением за политическую корректность. А ведь раньше это происходило в совершенно другом контексте.

Итак, Джон Локк — очень интересный персонаж. Хорошо. Моральные знания.

Как его эпистемология применяется в вопросах этики? Ну, во-первых, как вы уже читали, не существует врожденных моральных идей. Не существует врожденного морального знания. Его эмпиризм это отрицает, и его аргумент против врожденных идей в этом отношении является специфическим.

Аргументы против врожденных представлений, касающиеся разнообразия убеждений и тому подобного в разных культурах, — все это приводит Джон Локк. Следовательно, все наше моральное знание, как и любой другой вид знания, в конечном счете должно выводиться из наших простых представлений о чувственном восприятии и размышлении. Как же это происходит? Как это происходит? Что ж, он предполагает, что существует три способа приобретения нами морального знания.

Один из способов — доказательство. Вы помните, он говорил, что существует три вида знания: интуитивное, интуитивное, доказательство и ощущение.

Ну, это не интуитивное объяснение, но доказательство — да. Мы можем вывести моральное знание из нашего знания о Боге и знания о себе как о разумном существе. И, конечно же, в силу декартовского принципа *cogito ergo sum*, Локк был готов утверждать, что мы познаём себя как разумные существа.

Кто я? Я — мыслящее существо, разумное существо. Поэтому, когда в своем эссе о гражданском правлении он говорит о правах человека, он пытается сформулировать, что присуще разумному существу, что можно вывести из того факта, что мы — разумные существа. На самом деле, у него есть гораздо более обширный труд, посвященный этой теме, — эссе о законах природы, своего рода эссе о естественном моральном законе, эссе о законах природы.

И в этом он обосновывает существование такого рода морального знания. Второй способ получения морального знания — это ощущения и размышления, опыт, то есть, поскольку Бог соединил нравственность с нашим счастьем, так что на практике удовольствие и боль, как правило, становятся нашими учителями нравственных принципов.

И, просто исходя из задействованных эмпирических вероятностей, мы приходим к определенным выводам о том, что мы будем делать, а что нет, что нам следует делать, а что нет. Мы это делаем. Правильность, как вы замечаете, моральная правильность становится вопросом практической полезности, так что Локк, опять же неосознанно, открывает путь к утилитаризму, развитие которого начнется в ближайшее время.

Он, кстати, не первый. Если вспомнить Бэкона и Гоббса, то можно вспомнить, что они ценили знания за их практическую пользу. А весь подход Гоббса к этике и политике основывался на очень важной цели — предотвращении войны всех против всех и обеспечении возможности выживания и мира.

Итак, второй способ обретения нравственного знания — это библейское откровение. Библия учит нас многим нравственным вопросам, и божественные

нравственные законы, данные в Писании, являются окончательным критерием, высшим критерием того, что нравственно правильно.

Таким образом, его эпистемология, наряду с её применением к религии, приводит к тому типу этики, который он отстаивал. Теперь рассмотрим это также в отношении человеческой свободы. Помните, что мы живём в эпоху механистической науки.

Причина, следствие, механизмы. Так что такие люди, как Гоббс, стали убежденными детерминистами. Настоящей свободы воли или действия не существует.

Декарт, с другой стороны, пытался сохранить человеческую свободу, сделав разум, мыслящее существо, исключением из причинно-следственных механизмов науки. Именно его дуализм разума и тела сохранил свободу воли. Локк в этом отношении довольно точно следует за Декартом.

Он хочет сохранить свободу. Свободу человека. Но он определяет свободу человека как свободу действовать в соответствии со своим выбором.

Свобода делать или не делать то, что я хочу. Свобода действий. Вопрос о свободе воли, свободном выборе он считает бессмысленной дискуссией.

Бессмысленная дискуссия. Потому что она смешивает две категории. Путает две разные сферы влияния личности.

Власть делать или не делать. Власть действовать. И, с другой стороны, власть думать, отдавать предпочтение.

Да, мы действительно думаем и размышляем о своих действиях. Мы действительно предпочитаем делать одно другому. Но предпочтения могут быть вызваны чем-то, а не являться результатом свободы воли.

Идеи, размышления, также порождаются тем, что происходит в мире ощущений. Поэтому свобода заключается не столько в желании, стремлении или воле, поскольку желание, воля, в значительной степени подвержены влиянию порождаемых идей, сколько в свободе действий. Таким образом, человек свободен делать или не делать, когда он способен действовать в соответствии со своими желаниями.

Это несколько отличается от Декарта. Несколько отличается от Декарта. Он похож на Декарта в том смысле, что свобода действий возможна, потому что мы — отражающие существа, размышляющие о своих действиях и действующие.

Но он отличается от Декарта тем, что говорит не столько о свободе воли, сколько о свободе действия. Свобода действия. И именно это играет решающую роль в его политическом мышлении.

Потому что то, что положено человеку, наделенному как разумное существо свободой действий, положено такому человеку — это свобода действовать. И поэтому его концепция свободы сразу же начинает развивать теорию прав. И, как хорошо известно тем, кто проходил курсы этики, посвященные теории прав, это взаимосвязи.

Если у меня есть право на жизнь, вы должны предоставить мне свободу жить. Если у меня есть право на собственность, вы должны предоставить мне свободу владеть собственностью. Свободы и права взаимосвязаны, понимаете?

Таким образом, Локк подходит к вопросам политической философии, опираясь на подобную теорию человеческой свободы. Важно то, что он делает во втором трактате о гражданском правлении. Второй трактат о гражданском правлении.

Первая его точка зрения была ответом на другие политические взгляды того времени. Вторая — это его собственное конструктивное предложение. И оно основывается на концепции морального знания и концепции свободы, о которых мы упоминали.

Это видно, если обратить внимание на то, что он проводит различие между естественным состоянием, с одной стороны, и гражданским обществом, с другой. В естественном состоянии мы являемся индивидами, каждый из которых обладает правом действовать свободно. В естественном состоянии мы являемся индивидами с равной свободой и равной свободой действий.

Следовательно, с равными правами на действия. И поэтому он заявляет, что в естественном состоянии мы обладаем естественными правами. Это не права, предоставленные нам гражданским обществом.

Права, дарованные нам конституцией или законами. Это естественные права, присущие нам как личностям, данные Богом, дающие нам способность действовать свободно. Он выделяет три таких права.

Право на жизнь, право на свободу действовать свободно. Право на жизнь предшествует этому, потому что для того, чтобы действовать, нужно жить. И, в-третьих, право собственности.

Хотя он очень осторожно подчеркивает, что право собственности не является безграничным. Локка иногда обвиняют во всех проблемах, созданных свободным предпринимательством, из-за его акцента на праве собственности.

Если вы прочитаете его второй трактат о гражданском правлении, вы увидите, что он делает это, говоря о заселении Америки.

Он утверждает, что люди, расчищающие землю для поселения, имеют право на плоды своего труда на этой земле и на урожай, который она приносит, при условии, что они берут ровно столько, сколько нужно себе и своим иждивенцам, и оставляют достаточно для других. Довольно интересно. Джон Локк, оставляйте достаточно для других.

Это вряд ли можно назвать безграничными правами на приобретение собственности, которые отстаивали некоторые современные авторы, например, Роберт Нозик из Гарварда в своей книге «Анархия, государство и утопия», если вы знакомы с этой литературой. Поэтому Джон Локк отстаивал право собственности. По мере развития его рассуждений о состоянии природы становится совершенно очевидно, что это его интерпретация того самого принципа сотворения мира, о котором он знал из своего пуританского наследия.

Мандат сотворения подразумевает, что при освоении земель, которые никогда не обрабатывались, мы несем ответственность за их покорение и владение ими, за их управление, но при этом брать достаточно для себя и оставлять достаточно для других. Это мандат управления. Хорошо, значит, у него есть теория естественных прав, своего рода естественное право, такое естественное право, которое, как мне кажется, больше относится к стоической традиции, к тому, что подходит для разумных существ, чем к томистской традиции, где существует телеология, определенные естественные склонности и так далее.

Суть в том, что в естественном состоянии мы обладаем этими правами. Обладать правом — значит также обладать правом отстаивать и защищать эти права. Правом противостоять попыткам отнять эти права.

Таким образом, в естественном состоянии существует право сопротивляться насильственному посягательству на свою жизнь. Существует необходимость сопротивляться попыткам отнять свободу и поработить человека. И существует право сопротивляться попыткам отнять свою собственность, сопротивляться вору.

Именно в этом контексте он и говорит о правах, данных Богом. Гражданское общество возникает из этой потребности. Гражданское общество — это договорное соглашение.

Договорное соглашение, в котором наша совместная жизнь подчиняется принципам разума с целью сохранения и укрепления наших естественных прав. С целью обеспечения справедливости. С целью обеспечения удовлетворения

потребностей людей, чтобы они могли должным образом осуществлять свои права.

Теперь гражданская В то время общество охватывает всевозможные договорные отношения. Сюда входит брак, который он рассматривает как договорные отношения, подчиненные принципам разума. Сюда входит и отношения господин-слуга, где, как я полагаю, в его время он подразумевал как ученичество, так и трудоустройство.

И это включает в себя также государственное устройство, в том виде, в каком мы его понимаем сейчас. Все это — договорные отношения. Таким образом, у него есть договорная основа для общества и социальной этики.

Контрактная основа государственного устройства. Очевидно, что она кардинально отличается от прав феодальных монархов, божественного права королей, но это совершенно иной тип контрактного устройства, чем тот, который мы видим у Томаса Гоббса, где отказ от всех своих прав происходит из-за страха за свою жизнь. У Локка же речь идёт не об отказе от прав в пользу монарха.

Речь идёт о том, что монарх стремится сохранить и укрепить эти права. Это совершенно иной тип устройства. И поэтому он хотел создать своего рода конституционное правительство, правительство с конституционными механизмами сдержек и противовесов, разделением властей, моральными ограничениями власти суверена, моральными ограничениями на применение силы в войне, революции и так далее.

Итак, это политическая теория, которую он разрабатывает, применяя теорию естественных прав. Что ж, думаю, на этом наши рассуждения о Локке заканчиваются. Видите, как всё взаимосвязано, какая есть преемственность? Райан? Я сомневаюсь, как он согласует своё понимание откровения морали со своим концептуализмом.

Я имею в виду, кажется, что если существует некая открытая мораль, то она должна существовать вне нашего собственного сознания, в некотором смысле, вне представлений об этой морали. Да. Вопрос, однако, в том, каковы наши представления о морали? Видите ли, для старого средневекового реализма об универсалиях ваши представления о морали — это представления о реальных универсалиях, метафизических сущностях, которые либо действуют в природе, либо трансцендентны в некотором платоновском смысле.

Для концептуалиста ваши идеи, ваши концепции могут быть идеями Бога. Понимаете? Но разве тогда они не были бы реальными и находились бы вне

Бога? О нет, но идеи не реальны в том смысле, в каком реальны реальные универсалии. Видите? Концептуалист признает, что у Бога есть идеи.

У Бога есть общие понятия, универсальные понятия в этом смысле, понимаете. Таким образом, концептуалист в конечном итоге, и это, я думаю, очевидно у Абельяра в Средневековье, спрашивает: какими средствами мы можем узнать, что Бог думает об этом? Таким образом, средства морального познания Локка сводятся к трем способам, с помощью которых мы можем получить представление о том, что Бог думает о человеческой морали, какой она должна быть.

Один из способов — это вывод из того, что значит быть разумным существом. Бог создал нас разумными существами. Что это подразумевает? Другой способ — это вывод из опыта, накопленного за жизнь.

Бог создал жизнь именно такой. Что же мы узнаём в течение жизни? Своего рода общий моральный закон, который становится очевидным. И, наконец, третье — это откровение.

Вот три способа, с помощью которых мы можем получить представление о том, что думает Бог. Он совершенно ясно говорит, что эмпирический путь, познание на основе опыта, дает лишь некоторую степень вероятности. Самый надежный из трех — откровение.

Поэтому я не думаю, что существует какая-либо несовместимость между концептуалистом и тем, кто утверждает, что мы можем знать, о чём думает Бог. Концептуалист отрицает лишь существование независимо реальных форм, универсалий в греческом смысле. А как насчёт Августина в этом смысле? Разве вы не говорили, что он считал их идеями в разуме Бога? Да, но это также и реальные принципы, действующие в природе, *rationes seminales*.

Видите ли, вечное, *rationes eterne*, вечные формы в разуме Бога — это предвзятые представления Бога. Но *rationes* в природе — это формы. Да, так что Августин — реалист.

Фома Аквинский, по той же причине. Дэвид? Я боялся спросить об Фоме Аквинском, потому что, когда я читал Локка, я не понимал почему, но Фома Аквинский постоянно всплывал у меня в голове. Да.

Они совершенно разные или похожие? Ну, видите ли, я только что сказал, что Фома Аквинский — реалист. Да, умеренный реалист в отношении универсалий. Потому что он считает, что существуют универсальные принципы реального рода, понимаете, связанные с существованием индивида, человека, животного в биологическом плане, вообще физического существа.

Здесь действуют реальные принципы. Дело не только в материи и происходящих процессах. Но существует неотъемлемый, внутренний метафизический принцип, который обуславливает это.

Видите ли, Локк так не рассуждает. Когда Локк говорит о естественных правах и естественном праве, он говорит о том, что логически подразумевается в общей характеристике, сущности человеческого бытия.

А суть — это всего лишь концепция, помните? Суть человеческого бытия в том, что мы — разумные существа. Понимаете? Разве Фома Аквинский тоже не говорил, что, глядя на природу, мы можем... Да.

Да, но, видите ли, Фома Аквинский, будучи аристотелевцем, смотрит на природу иначе, чем Локк, который не был аристотелевцем. Когда Аквинский рассматривает природу, используя аристотелевскую эпистемологию, он пытается абстрагироваться, понимаете, от совокупного опыта вида, от природы истинной сущности, которая там действует. От истинной формы, которая там действует.

Локк говорит об абстрактных идеях. Но обратите внимание, что, по его словам, мы абстрагируемся от всех простых идей, которые у нас есть, от того, что у них общего. Это скорее общая идея, понимаете, абстрактная общая идея.

Видите ли, эта форма — не обобщение. Это не просто общность. Это реальная сущность.

А Локк стремится к простому выявлению общих черт. Да, здесь есть тонкое различие. Но, как вы помните, разница между Фомой Аквинским и концептуализмом не так уж велика.

Помните двусмысленность и необедительность, с которыми он пытается провести это различие? Хорошо, что-нибудь еще? Да, Джанель. Можете ли вы определить концептуализм как политическую философию? Он говорит о свободе, праве действовать, в противовес праву мыслить или отдавать предпочтение.

Мне кажется, он воспринимает право действовать как нечто более реальное, чем право мыслить. А ведь именно на этом во многом и строится американская система прав. Я не уверен, что это более реальное право, чем право мыслить.

Видите ли, основная предпосылка всей его этики, включая его политическую теорию, заключается в том, что мы — разумные существа. Я мыслю, следовательно, я существую. Он постоянно это повторяет.

И если основная предпосылка заключается в том, что мы — разумные существа, то это должно быть правдой. Ничто не должно быть реальнее этого. Понимаете?

Тот факт, что мы обладаем способностью действовать, имеет значение только потому, что мы — рациональные существа. Если бы у нас не было свободы действий, то, я думаю, наша рациональность не имела бы для него такого значения. Да.

Цель мышления — это действие. Знаете, так написано в книге Бэкона и Гоббса. Возвращаясь к тому времени, когда мы говорили об идеях, мы обсуждали простые, сложные и абстрактные идеи.

Во-первых, мне интересно, являются ли абстрактные идеи разновидностью сложных идей? Да. Он, безусловно, говорит об абстрактных идеях в начале, в разделе, посвященном сложным идеям. Но затем он возвращается к ним позже, как вы помните, в разделе, посвященном философии языка.

Иными словами, он прекрасно понимает, что абстрактная идея — это нечто большее, чем просто эмпирическое обобщение. Видите ли, когда я говорю, что человек — это рациональное существо, я имею в виду нечто большее, чем просто утверждение, что все люди мыслят.

Понимаете? И он выражается так: это сущность человека. Как добраться до сущности? Понимаете?

Ну, это существенная характеристика, которую мы концептуализировали. И именно в концептуализации этой существенной характеристики мы получаем эту абстракцию. Да.

Потому что понятие существенной характеристики — это очень абстрактная идея. Да, давайте попробуем объяснить это так. Для Фомы Аквинского вы абстрагируете нечто неэмпирическое от своего опыта.

Для Локка абстрактное мышление состоит в том, что эмпирически наблюдается в частных случаях. Я заметил, вы проговаривали эти слова про себя. Позвольте мне повторить.

У Фомы Аквинского абстрактное мышление охватывает то, что не поддается эмпирическому наблюдению. А именно, универсальный принцип. У Локка же абстрактное мышление охватывает то, что поддается эмпирическому наблюдению в частных случаях.

Но вы думаете об этом, отстранившись от всех деталей. Да. Думаю, это максимально близко к тому, как они об этом говорят.

Да, да. Он бы очень быстро это сказал. Он очень быстро это говорит.

Ну, я думаю, он бы хотел сказать, что в Библии нет ничего, что противоречило бы разуму. Что же это могло бы быть? Ах, если бы кто-то сказал, что получил откровение от Бога о том, что Иисус не был Сыном Божьим. Видите ли, это было бы откровение, противоречащее откровению, не так ли? Самопротиворечивое.

Хорошо, позвольте мне попробовать ещё раз. Если бы он получил откровение от Бога о том, что законы логики недействительны, то всё это было бы библейской истиной.

Да, похоже, он утверждает, что все библейские учения либо соответствуют откровению, либо выходят за его рамки, но не противоречат откровению. Я сказал откровение? Забудьте об этом. Все библейские учения либо соответствуют разуму, либо выходят за его рамки, но не противоречат разуму.

Да. Думаю, именно здесь вступает в дело Джон Локк. По крайней мере, это не должно противоречить тому, что считается незыблемым выводом.

Да, видите ли, и именно это в некотором смысле усиливает напряжение между наукой и религией, которое будет сохраняться в XIX веке. Те из вас, кто читал исторические работы Марка Нолла об этом периоде, например, понимают, что он говорит, как и историки, о баконовском идеале науки, то есть о чисто объективном виде эмпирической науки, который был принят в XVIII веке не только Локком, но и шотландскими реалистами, о которых мы поговорим позже. И таким образом шотландские реалисты, оказавшие такое влияние на христианскую мысль в Британии и в этой стране в XIX веке, поддерживали то, что мы сейчас называем научным реализмом, — реалистическое понимание науки.

Поэтому, естественно, возникает конфликт между утверждениями об истинности науки, понимаемой реалистично, и утверждениями об истинности религии, понимаемой реалистично. Вы спросите: как иначе можно понять науку? Наука должна говорить реалистично, но только о явлениях, потому что конечная реальность не по своей природе материя, а разум. И по сей день в философии науки продолжается полемика о реализме и антиреализме.

Если вы хоть немного следите за развитием креационистской науки, помните полемику вокруг эволюции, то, что происходит в этом движении, мне кажется (я не слежу за ним пристально, но, судя по тому, что я читаю), в нем присутствует очень безоговорочный реализм в отношении науки. Они не говорят, что наука

не рассказывает нам о реальности, они говорят, что истинная наука рассказывает, но эволюционная наука — это не истинная наука, а креационистская наука — это истинная наука. Таким образом, возникает конфликт между двумя реалистическими интерпретациями науки, и возникает вопрос, какая из них истинна.

Есть и другие, кто скажет, что наука рассказывает лишь об определенных условиях функционирования, в которых можно наблюдать дальнейшие последствия. Следовательно, наука не может рассказать о природе реальности, особенно в отношении прошлого и тому подобного. Так что никакого противоречия нет.

А другие снова скажут: «Подождите-ка, наука всё равно не настолько объективна. Она может пытаться рассказать нам о реальности, но в научной работе действуют всевозможные предположения, и, опираясь на куновскую революцию, на структуру научных революций, можно утверждать, что, хотя наука и стремится рассказать нам о реальности, её истинные намерения гораздо более неоднозначны, чем это часто осознают отдельные учёные». Мне интересно, в чём заключалась проблема Ларка с веслианским и религиозным энтузиазмом.

Да, похоже, он считает, что энтузиасты принимают за откровение своего рода личные интуитивные прозрения, которые невозможно проверить. Но всё это происходит по разуму. Они не поддаются рациональной проверке, потому что являются личными.

Они не опубликованы. Вчера я читал эссе доктора Сары Майлз в последнем номере журнала *Perspectives*, который является изданием Американской научной ассоциации. Кажется, это декабрьский номер.

Вы думаете, что январская статья — самая поздняя? Нет. Ну, это было в декабрьском номере. В ней она обсуждает дебаты о науке и теологии, какими они были в XVIII веке, и в заключительном разделе он рассуждает об энтузиастах, в частности о Уэсли.

Посмотрите на это. Какие дальнейшие последствия можно наблюдать? Таким образом, наука не может рассказать вам о природе реальности, особенно в отношении прошлого и тому подобного.

Так что никакого конфликта нет. А другие снова скажут: «Подождите-ка, наука всё равно не настолько объективна. Она может пытаться рассказать нам о реальности, но в научной работе действуют всевозможные предположения, и, опираясь на куновскую революцию, на структуру научных революций, можно утверждать, что, хотя наука и стремится рассказать нам о реальности, её

истинные намерения гораздо более неоднозначны, чем это часто осознают отдельные учёные».

Мне интересно, в чём заключалась проблема Ларка с веслианским энтузиазмом. Да, он, кажется, считает, что энтузиасты принимают за откровение своего рода личные интуитивные озарения, которые совершенно не поддаются проверке разумом. Да, они не поддаются рациональной проверке, потому что они носят личный характер.

Они не опубликованы. Вчера я читал эссе доктора Сары Майлз в последнем номере журнала *Perspectives*, который является изданием Американской научной ассоциации. Кажется, это декабрьский номер.

Вы думаете, что январская статья — самая поздняя? Нет. Ну, это было в декабрьском номере. В ней она рассуждает о дискуссии между наукой и теологией, какой она была в XVIII веке, и в заключительном разделе он говорит об энтузиастах и, в частности, о Уэсли.

Посмотрите на это. Этого достаточно. Думаю, больше всего вам нужно сказать о временности науки, о факте научных изменений, о том, что наука не является тем объективным, эмпирически достоверным источником, каким её считали во времена Ларка .

Понимаете? И здесь также есть проблемы, которые мы должны признать, связанные с герменевтическими вопросами, которые гораздо сложнее, чем считалось во времена Локка. Поэтому я думаю, что Локк сделал хорошее начало, но не осознал сложность связанных с этим проблем. И я не думаю, что сложность этих проблем в интерпретации природы и в интерпретации откровения могла быть столь же очевидной до тех пор, пока не появился акцент на человеческой субъективности в науке и в интерпретации текстов, как это произошло сейчас в XX веке, поэтому теории интерпретации так важны.

Эстер? Вы имеете в виду у Локка? Нет. Я не знаю, затрагивает ли он эту тему где-либо. Он не пишет апологетику.

Потому что, я имею в виду, он утверждает, что это источник откровения. Да, да. Я задаюсь вопросом: если Локк не приводит аргументов в пользу утверждения, что Библия является откровением, как же локковед может это доказать? И я думаю, что локковед мог бы привести как минимум два аргумента.

Во-первых, допустим, мы убедительно доказали существование Бога, личностного, разумного божества, способного к самораскрытию, тогда, по крайней мере, существует вероятность, правдоподобность существования откровения. Поэтому необходимо рассматривать утверждения о откровении.

Как, по-вашему, оценивать утверждения о откровении? Ну, если содержание откровения противоречит разуму, понимаете, то это будет считаться отрицательным фактором.

Если это соответствует разуму, даже если выходит за его рамки, это всё равно делает это приемлемым, жизнеспособным. Можно ли как-то повысить вероятность? А как насчёт точек соприкосновения, где может быть какое-то рациональное обоснование? И то, что мы получили в британской апологетике после локковской эпохи, — это эвиденциалистский подход к апологетике, о котором я упоминал в прошлый раз. Таким образом, попытка заключалась бы в поиске в Писании моментов, которые можно было бы подтвердить историческими свидетельствами.

И так далее. Другими словами, это попытки установить истинность того, что говорится в Писании. Это можно сделать с помощью исторических свидетельств, или же с помощью вероятностных аргументов, демонстрируя согласованность и последовательность .

В конце XIX века была разработана дополнительная процедура, призванная избежать неявной замкнутости. Если это откровение, значит, это должно быть истинным. Если это истина, значит, это откровение.

Нет, это не доказывает этого. Это лишь подтверждает следствие, понимаете. А попытка избежать этой замкнутой порочной схемы заключалась в том, чтобы сказать: Библия утверждает одно относительно Иисуса Христа, который утверждает, что говорит правду.

На данном этапе речь идёт не обязательно о заявлении о божественности, а о заявлении о том, что он говорит правду. И в свете этого вы оцениваете, говорит ли он правду о себе? Если да, и он подтверждает авторитет, авторитет откровения, то, по крайней мере, существует вероятность, правдоподобность того, что откровение действительно имело место. Поэтому необходимо исследовать заявления о наличии откровения.

Как вы оцениваете утверждения, основанные на откровении, как вы думаете? Ну, если содержание откровения противоречит разуму, то это будет считаться отрицательным фактором. Если же оно соответствует разуму, даже если выходит за его рамки, это всё равно делает его приемлемым, жизнеспособным. Можно ли как-то повысить вероятность? А как насчёт точек соприкосновения, где может быть какое-то рациональное обоснование? И то, что мы получили в британской апологетике после локковского периода, — это эвиденциалистский подход к апологетике, о котором я упоминал в прошлый раз.

Таким образом, цель состоит в том, чтобы найти в Писании моменты, которые можно было бы подтвердить историческими свидетельствами и так далее. Другими словами, предпринимаются попытки установить истинность того, что говорится в Писании. Это можно сделать с помощью исторических свидетельств, или же с помощью вероятностных аргументов, демонстрируя согласованность и последовательность .

В конце XIX века была разработана дополнительная процедура, призванная избежать неявной замкнутости. Если это откровение, значит, это должно быть истинным. Если это истина, значит, это откровение.

Нет, это не доказывает. Это лишь подтверждает следствие. А попытка избежать этой замкнутой порочной системы заключалась в том, чтобы сказать: Библия утверждает одно, утверждает божественность на данном этапе.

Он утверждает, что говорит правду. И в свете этого вы оцениваете, говорит ли он правду о себе? Если да, и он подтверждает авторитет, откровение Священного Писания, то, принимая его авторитет, вы принимаете авторитет Священного Писания. Это аргументация, разработанная теологом из Принстона Б. Б. Уорфилдом.

Достаточно ли этого — вот один из спорных вопросов. Но в основном, влияние Локка на апологетику было направлено в сторону эвиденциализма. Как обосновать веру в то, что Писание действительно является божественным откровением? Каковы доказательства? — вот его вопрос.

Последний вопрос. Я не могу вспомнить ни одного конкретного места , где он это обсуждал. Мне нужно проверить, насколько это разумно с точки зрения христианства.

Но я могу предположить, исходя из традиции, к которой он принадлежит, что последствия грехопадения затрагивают не столько законы мышления, сколько нашу способность им подчиняться. Не законы мышления, это не мы.

Но всё зависит от нашей готовности, эмоциональной и моральной способности подчиняться законам мышления. Предрассудки, слепота и так далее. Что ж, нам придётся остановиться.

Кто-то другой пытается проникнуть внутрь.